

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

«РАЗЖИГАЛ СТРАСТЬ К ПОЗНАНИЮ ИСТОРИИ...»:

БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ СКИТСКИЙ.

ЧЕЛОВЕК. УЧЕНЫЙ. ПЕДАГОГ

И. Т. ЦОРИЕВА

В ряду знаменательных и памятных дат, которыми был необыкновенно богат прошедший 2014 год, незаслуженно скромно прошел юбилей одного из ярких представителей исторического кавказоведения XX в. Бориса Васильевича Скитского. В этом году исполнилось 130 лет со дня рождения большого ученого, замечательного педагога, талантливого просветителя, интеллигентного, доброго человека.

Борис Васильевич Скитский родился 28 июня 1884 г. в селении Яцны Полтавской губернии в семье народного учителя. Последнее обстоятельство во многом предопределило выбор жизненного пути юноши. После успешного окончания историко-филологического факультета Киевского университета в 1907 г. Б. В. Скитский «с чувством высокого долга» почти 20 лет проработал в различных учебных заведениях Украины. А затем, в результате крутого поворота «в его жизненной колее», он оказался в Северной Осетии [1, 13].

Как известно, 1920-е гг. были временем формирования новой советской системы образования. После установления советской власти на Тереке в 1920 г. велась активная работа по организации высших учебных заведений в национальных автономиях региона. Среди первых созданных вузов был Горский педагогический институт (ныне Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова), призванный готовить учителей для школ национальных республик и областей Северного Кавказа.

Новое учебное заведение переживало сложный этап становления. В труднейших условиях послереволюционного и послевоенного восстановления страны руководство вуза столкнулось с необходимостью решения множества проблем материально-технического, финансового и иного порядка. При крайней малочисленности образованной национальной интеллигенции особенно остро стояла проблема квалифицированных педагогических кадров. Центральные и республиканские органы власти содействовали пополнению и укреплению профессорско-преподавательского состава института, как за счет местных, так и приглашенных специалистов, что позволяло отчасти смягчить кадровый дефицит. Так, 15 июня 1924 г. Научно-методическая комиссия по педагогическому образованию при Народном комиссариате просвещения РСФСР утвердила предложения администрации и ученого совета пединститута по ряду кадровых вопросов. В частности, были назначены на должности профессора кафедры осетинского языка Б. А. Алборов, профессора кафедры русского языка и литературы Л. П. Семенов. В качестве преподавателей разных учебных дисциплин были утверждены И. М. Абаев, В. А. Авсарагов, М. Ю. Гадиев, С. И. Дзагуров, Е. Ф. Короленко, С. И. Кудрявцев, Д. М. Павлов, В. П. Пожидаев, И. П. Щерблык. В том же году из различных вузов страны на должности профессоров были приглашены на кафедру всеобщей истории А. В. Стрельцов, психологии и педа-

гоики Р.И. Ленарозский, сравнительного языкознания М.Я. Немировский, русской истории Г.Г. Писаревский, физиологии растений П.П. Смирнов, зоологии беспозвоночных и энтомологии Б.А. Сварчевский. Курс по антропологии осетин на отделении кавказоведения предложили читать вернувшись из Одессы доктору медицинских наук, профессору М.А. Мисикову [2, 12-13].

В декабре 1924 г. Научно-методическая комиссия НК РСФСР по педагогическому образованию и Северокавказское краевое управление народного образования приняли еще одно кадровое решение о назначении преподавателями пединститута ряда ученых и общественных деятелей. В утвержденном списке значилось и имя Б.В. Скитского. Инициатором приглашения выступил один из организаторов высшей педагогической школы в Северной Осетии Борис Андреевич Алборов, назначенный в 1924 г. директором Горского педагогического института [3, 7]. Он был лично знаком с Борисом Васильевичем по работе на педагогических курсах при Киевском учебном округе. Скитский принял предложение и в 1925 г. приехал во Владикавказ. С этого времени и до последних дней жизни он посвятил себя изучению истории и культуры северокавказских народов, прежде всего осетин.

Непосредственную деятельность в педагогическом институте Скитский начал с создания кафедры истории народов СССР естественноисторического факультета, которой он руководил на протяжении более четверти века вплоть до выхода на пенсию. За годы самоотверженного, подвижнического служения на ниве просвещения Борисом Васильевичем были подготовлены десятки научных работников и учителей истории для школ Северной Осетии и других регионов страны. Педагогическую деятельность Скитский совмещал с научной работой. Он многие годы являлся научным сотрудником и заведующим историческим отделением Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории, экономики, языка и литературы. В 1926 г.

ему было присвоено звание доцента, а в 1936 г. — профессора [3, 13].

Начало активной научной деятельности Б.В. Скитского совпало с утверждением фактически монопольного господства в науке исторической школы М.Н. Покровского, что, безусловно, повлияло на методологию и тематику научных исследований ученого. В первые годы пребывания в Северной Осетии в научных работах Бориса Васильевича в основном преобладала тема Украины и России XVII-XIX вв. Именно к этому времени относится публикация статей «Гетманщина накануне ее падения», «Социальная философия Сковороды», «Очерки быта русской провинции во вторую половину XVIII века» и др.

Но постепенно ученого все более увлекает история уникального по своему социально-политическому, национально-этническому и культурному многообразию края. Осваивая богатый, впервые вводимый в научный оборот документальный материал, он углубляется в исследование древней и средневековой истории народов Кавказа. Объектом его научного интереса становятся вопросы социально-экономического развития, сословной иерархии, материально-бытовой культуры горцев. С начала 1930-х гг. основное внимание в научных изысканиях ученого занимали главным образом проблемы общественного строя северокавказских народов, их взаимоотношений с Русью, Грузией, Византией и связей с другими народами в средневековую и новую эпоху, массовых народных движений на Кавказе в XVIII-XX вв.

Известно, что идеологизированный, классовый подход в анализе исторических событий и явлений ограничивал исследовательские возможности обществоведов. Вместе с тем, в отечественной историографии 1920-1940-х гг. открылись для изучения новые актуальные сюжеты, такие как сущность феодального способа производства, классовая борьба, содержание и этапы революционного движения в России и другие, которые практически не освещались в домарксистской историографии.

Скитский был одним из первых в советском кавказоведении, кто приступил к исследованию истории социально-политических движений на Северном Кавказе в конце XVIII — начале XIX в. и Кавказской войны. Отмеченной теме были посвящены статьи «Социальный характер движения Имама Мансура», «Классовая сущность мюридизма в пору имамата Шамиля». В этих и других публикациях ученого в контексте господствовавшей на тот момент в исторической науке концепции истории Российского государства рассматривался процесс утверждения системы административно-государственного управления на окраинах империи; давалась характеристика массовых народных выступлений против растущего гнета со стороны местной знати и самодержавия в Ингушетии, Осетии и других районах Северного. Особенно велика была роль ученого в разработке истории Осетии и осетинского народа. Одним из первых исследований в области осетиноведения явилась опубликованная в 1928 г. статья «Из истории революционного движения 70-х годов в Осетии» [4, 12-24]. С разработкой проблемы русско-осетинских отношений была тематически связана работа 1933 г. «Роль православия в колониальной политике в Осетии». В ней с позиции классового подхода раскрывалась деятельность православной церкви в проведении колонизаторской политики в Осетии [5, 127]. Большой интерес вызывали вопросы о сущности массовых народных движений конца XVIII — начала XIX в., о характере и времени присоединения Осетии к России, о переселении горцев в Турцию. Научные статьи конца 1920-х — 1950-х гг., содержавшие анализ этих и других проблем дореволюционной истории Осетии, были собраны и изданы А. К. Джанаевым отдельным сборником в 1972 г. [4]

Существенное место в творчестве Скитского занимала проблема происхождения осетинского народа. Ученый обосновывал идею этнического единства осетин со скифо-сармато-аланским миром. Вместе с тем, он признавал теорию В. И. Абаева о двуприродности осетин, вслед за которым

утверждал, что осетины в этническом и в языковом отношении представляют собой «смешение местного кавказского яфетического элемента с иранским элементом» [6, 18-19].

Отличительной особенностью научных разысканий Скитского являлась скрупулезность и добросовестность, с которыми он подходил к отбору и формированию документальной базы исследований. В научно-исследовательской работе Борис Васильевич считал приоритетным соблюдение принципов репрезентативности, вариативности и достоверности исторического источника. Как писал известный историк-кавказовед В. П. Крикунов, ученый упорно искал, «разбирая завалы архивных дел, тропу к познанию судеб простонародья Терского края. Раскрывая прошлое народов, он одним из первых удачно использовал такой своеобразный исторический источник, как старинные песни осетин и других горцев и казаков, а также устные народные предания». Он был среди тех кавказоведов, кто осознал, что «в преданьях старины глубокой» своеобразно запечатлена историческая память народа, особо чувствительная к тому, что вписывается в миропонимание и поведение людей, их представления о природе, национальных и культурно-бытовых традициях, нравах, обычаях и «социально одобряемых» нормах поведения, языке и т.п. [1, 15]

Скитский высоко ценил героический нарттовский эпос в качестве исторического источника. Несмотря на изменившуюся после войны политическую конъюнктуру, когда обращение к родному эпосу, к прошлому своего народа стало рассматриваться идеологическими цензорами как националистические поползновения, как идеализация патриархально-феодалного прошлого народа [7, 18], он активно использовал этот материал в изучении древней истории осетин. «Нарттовские сказания рисуют предков осетин в эпоху железного века, так сказать во плоти и крови, во всей конкретности реальной обстановки их жизни, отражают их быт, нравы, верования, чувства и идеалы, — писал Борис

Васильевич. — Они восполняют немые свидетельства археологии и отрывочные письменные источники, поэтому являются весьма ценным историческим источником для рассматриваемой эпохи» [6, 20].

Анализ творческого наследия Скитского дает представление о широте его научных интересов. Но приоритетным направлением в исследовательской деятельности ученого стало изучение вопросов феодализма в Осетии. К проблеме развития феодальных отношений в Осетии обращались еще в дореволюционной историографии. В 1880-х гг. эта тема получила отражение в работах М. Ковалевского, Б. Пфафа, Н. Дубровина, Д. Лаврова и др. Но подлинное научное изучение и объяснение феодального строя у осетин начинается в советское время, прежде всего, с трудов Б. Скитского [1, 16].

Работа «К вопросу о феодализме в Дигории», построенная на солидной источниковой базе и впервые опубликованная в 1933 г., положила в кавказоведении начало качественно новому этапу научного изучения общественного строя горских народов. Ценность этого труда состояла в том, что он представлял собой первое в советской историографии фундаментальное исследование по проблеме развития феодальных отношений у северокавказских народов. Опираясь на разнообразные документальные источники, автор исследовал не только вопросы зарождения, особенности формирования и развития феодальных отношений в Осетии. Несомненным достоинством работы являлось то, что в ней впервые в исторической науке была предложена научная периодизация феодализма в Осетии. Скитский выделил три периода в становлении и развитии феодализма в Осетии. Первый период он относил к XIV-XVIII вв. и характеризовал его как время зарождения феодальных отношений в горах; второй — к XVIII — 50-м гг. XIX в. и называл его временем полного оформления феодального строя и расцвета феодализма. Наконец, третий период — «эпоха разложения феодализма», по мнению ученого, охватывал время с 50-х гг. XIX в. до 1917 г. [4, 26-27].

Дальнейшее развитие эта тема получила в «Очерках по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года» — труде, который сам автор считал своим «наибольшим научным достижением и радостью» [8, 17]. Выход в свет книги в 1947 г. стал крупным событием в научной, культурной жизни Осетии. В этой работе в наиболее полном и завершенном виде была представлена авторская концепция истории Осетии докапиталистического периода, развития феодального строя в Осетии. Основываясь на широком круге археологических, лингвистических, письменных, фольклорных источников и господствовавших в науке концептуальных построениях, автор глубоко проанализировал важнейшие вопросы социально-экономической и политической истории Осетии вплоть до крестьянской реформы 1864-1867 гг. Он исследовал проблемы культурного развития народа, взаимодействия осетин с русским и другими народами, присоединения Осетии к России и др.

В «Очерках по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года» начальный этап формирования феодальных отношений был отнесен Скитским к концу XII в., времени распада Аланской державы. При этом причину упадка и распада Аланской державы автор объяснял зарождением феодализма, переходом «от эксплуатации в форме дани к эксплуатации в форме феодальной ренты» [6, 65]. Подобная интерпретация исторических событий и фактов была опровергнута последующим развитием исторической науки. Однако нужно отметить, что трактовка проблемы в таком ракурсе всецело соответствовала господствовавшему в обществоведении в период написания «Очерков по истории осетинского народа...» представлениям «школы» Покровского, объяснявшей все исторические перемены влиянием материальных условий, материальных потребностей человека.

По мере углубления научных изысканий в области социально-экономической и политической истории народов Северного Кавказа авторский взгляд на проблему

претерпевал изменения, уточнялась хронология генезиса и развития феодальных отношений в Осетии.

Продолжению исследований в этом направлении способствовала работа над монографией «История Северо-Осетинской АССР», опубликованной в издательстве Академии наук СССР в 1959 г. Выходу в свет фундаментального коллективного труда предшествовал долгий подготовительный период, в процессе которого ученые неоднократно дискутировали по важнейшим проблемам истории Осетии и осетинского народа. В мае 1955 г. в Орджоникидзе состоялась научная сессия с участием ведущих кавказоведов страны. Ею была дана научная оценка результатов многолетнего труда авторского коллектива, в который вошли коллеги и ученики Бориса Васильевича. Среди них В.И. Абаев, Х.Н. Ардасенов, В.С. Гальцев, А.К. Джанаев, С.Д. Кулов, Л.П. Семенов, М.С. Тотоев. Участники форума подвергли тщательному разбору, в частности, разделы макета монографии по древней и средневековой истории Осетии, подготовленные Скитским.

Принципиальные возражения вызвала предложенная исследователем периодизация феодализма у алан, время зарождения которого было отнесено им к V-VIII вв. Стремление «удревнить» начало генезиса феодализма было отвергнуто большинством участников научного форума. Неправомерным и преувеличенным признавалось представление о степени социально-экономического развития феодального общества в Осетии. Не был принят также тезис Скитского о том, что феодализм в части горной Осетии «ослабел и даже почти развалился» еще во второй половине XVIII в. под влиянием крестьянских волнений [9, 78]. Подобная оценка исторических процессов была воспринята как антимарксистская и научно несостоятельная, а сам автор обвинен в идеализации патриархально-феодального периода в истории Осетии. Многие участники обсуждения подчеркивали, что в горной Осетии в XVIII в. еще не созрели буржуазные отношения и отсутствовали объективные предпосылки

для низвержения феодализма [10, 205-206].

Оппоненты Скитского при этом исходили не только из наработанного к этому времени нового знания о генезисе феодальных отношений и уровне социально-экономического развития северокавказских народов. Не меньшую роль в критике позиции ученого сыграли соображения идеологического порядка. С середины 1940-х гг. на фоне начавшейся холодной войны изменение внутриполитической ситуации в стране оказывало существенное влияние на обществоведов. Они все активнее вовлекались в работу по идеологической обработке населения. Общественным наукам отводилась важнейшая роль в пропагандистской кампании по воспитанию народов СССР в духе советского патриотизма и интернационализма. В соответствии с этим менялась трактовка дореволюционной истории России. Российская империя воспринималась уже не «тюрьмой народов», а центром, в котором формировалось единство этих народов, и складывалась революционная перспектива. В изменившейся политической ситуации утверждение о достаточно высоком уровне развития феодализма у северокавказских народов воспринималось как принижение «значения Октябрьской революции и помощи великого русского народа», которые обеспечили «малым» народам «возможность за исторически короткий период миновать капитализм, создать свою государственность, развить культуру и построить социалистическое общество» [11, 27].

Безусловно, Б.В. Скитский, подобно другим ученым-гуманитариям, принужден был считаться с требованиями официальной идеологии к общественным наукам. В соответствии с новой концепцией истории России автор должен был скорректировать свои представления о рассматриваемом предмете. В переработанном, окончательном варианте «Истории Северо-Осетинской АССР», начало формирования феодальных отношений в Осетии было отнесено к VIII-IX вв. В таком виде хронология генезиса феодализма была представлена в последующих исследованиях средневековой истории Осетии.

Эволюция представлений Скитского об одной только проблеме — о зарождении и развитии феодализма в Осетии — является ярким свидетельством трудного пути научного познания. Особенно тернист этот путь для первопроходцев, к каковым с полным основанием относится наш герой. Борис Васильевич стоял у истоков исторического осетиноведения. За многие годы служения науке ученому, прошедшему через сомнения, ошибки, прозрения и несправедливые обвинения¹, удалось много достичь на научном поприще. По вкладу в современную историческую школу кавказоведения Б. В. Скитский занимает достойное место в ряду выдающихся отечественных ученых-кавказоведов XX в. Его труды по социально-политической и экономической истории народов Северного Кавказа до сих пор не потеряли научной значимости и заслуженно остаются объектом пристального интереса исследователей.

Не менее значимой была его деятельность на педагогическом поприще. По воспоминаниям его учеников, Скитский обладал поистине энциклопедическими знаниями. Он был эрудированным и в высшей степени интеллигентным человеком, интересным собеседником. С одинаковым успехом читал лекции по разным направ-

¹ Послевоенное десятилетие в условиях ужесточения идеологического диктата в сфере общественных наук, которые, с одной стороны, должны были стать более действенными в качестве идеологического оружия, а с другой — достойным идеологическим лицом могучего советского государства, явились временем тяжелых испытаний для историков. В эти годы научная позиция Б. Скитского, как и других кавказоведов, не раз подвергалась жесткой критике. В контексте политической ситуации самыми опасными для ученого стали обвинения в «осетинском буржуазном национализме». Ярким примером негативной оценки его труда явились решения бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) от 27 мая 1950 г. Они послужили основанием для изъятия тиража опубликованной автором «Хрестоматии по истории Осетии» с формулировкой «за тенденциозный подбор документальных материалов и идеализацию патриархально-феодалных отношений» [12, 45].

лениям исторической науки, а на занятиях по истории искусств каждый раз бывал полный аншлаг [13].

Скитский создал в регионе научную школу, объединив вокруг нее своих последователей и единомышленников. Его бывшие студенты и аспиранты стали в последующем известными учеными-кавказоведами. Среди них М. М. Блиев, В. С. Гальцев, А. К. Джанаев, С. Д. Кулов, М. И. Кустов, Н. И. Покровский, А. А. Тедтоев, М. С. Тотоев и др. Многие из учеников Скитского опередили своего учителя в ученых степенях и званиях, превосходили по количеству изданных научных трудов. Но как блестящий педагог, вдумчивый, талантливый исследователь, внимательный и доброжелательный старший товарищ он оставался безусловным авторитетом для них. Огромное уважение к вкладу этой неординарной личности в национальную культуру и науку Осетии выражено в словах М. М. Блиева, который считал, что для осетинского народа Б. В. Скитский явился своего рода Василием Никитичем Татищевым, признанным в отечественной историографии «отцом русской исторической науки» [13].

Результаты многолетней и плодотворной деятельности Б. В. Скитского — педагога, ученого и общественного деятеля, находили признание у власти и общества. Он дважды избирался депутатом Верховного Совета Северо-Осетинской АССР, был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Северо-Осетинской АССР», награжден двумя орденами Ленина и другими правительственными наградами [14, 11].

Последние годы жизни Борис Васильевич провел в некотором отдалении от Северной Осетии. С 1953 по 1959 гг. он жил и работал в Пятигорске. Однако его духовная, интеллектуальная связь с Осетией не прерывалась ни на день. Он пользовался огромным авторитетом у своих учеников и коллег. Торжественно было отмечено 75-летие со дня рождения Скитского в июне 1959 г. В это время он тяжело болел и вскоре (в декабре 1959 г.) умер. Возвращение Б. В. Скитского уже после смерти на землю, ставшую ему родной за многие годы

верного служения на ниве науки и просвещения, состоялось по инициативе научной интеллигенции Северной Осетии. С большими почестями при стечении огромного количества искренне сопереживавших людей он был похоронен в пантеоне Осетин-

ской церкви, недалеко от могилы великого осетинского писателя Коста Хетагурова. Этот факт является лучшим подтверждением признания выдающегося вклада ученого, педагога и подлинного интеллигента в развитие осетинской культуры.

-
1. Крикунов В. П. Первопроходцы научного познания исторических судеб народов Кавказа и Дона. Пятигорск, 2003.
 2. Магомедов А. А. Центр образования, науки, культуры Северной Осетии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2011. № 3. С. 9-36.
 3. Туаева Л. А. Педагогическая, научно-исследовательская и просветительская деятельность Б. А. Алборова // Б. А. Алборов и проблемы кавказоведения: Материалы региональной научной конференции, посвященной 120-летию Б. А. Алборова. Владикавказ, 2006. С. 7-11.
 4. Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972.
 5. Джанаев А. К. Осетинская советская историография // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1971. Т. 28. С. 121-140.
 6. Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Дзауджикау, 1947. Т. 11.
 7. Булыгина Т. А. Общественные науки в СССР 1945-1985 гг. М., 2000.
 8. НА СОИГСИ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 14.
 9. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 336.
 10. Цориева И. Т. Наука и образование в культурном пространстве Северной Осетии (вторая половина 1940-х — первая половина 1980-х гг.). Владикавказ, 2012.
 11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Ед. хр. 342.
 12. ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 71.
 13. Блиев М. М. Татищев истории осетинского народа // Социалистическая Осетия. 2004. 26 июня.
 14. Джанаев А. К. Введение // Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 3-11.